

СОЦИОЛОГИЯ
(Статьи по специальности 22.00.01)

© 2007г. С.О. Беляев

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «РИСК»

Концепция модернизации, явившаяся результатом возрожденческого гуманизма, есть один из содержательных аспектов концепции индустриализации, а именно – теоретическая модель семантических и аксиологических трансформаций сознания и культуры в контексте становления индустриального общества. Современная концепция цивилизационного поворота как перехода от цивилизаций локального типа к глобальной цивилизации выдвигает идеал этнокультурного многообразия и полицентризма. Выдвигая такой идеал, необходимо учитывать, что среди основных характеристик модернизируемого общества фиксируются: презумпция на принципиальную открытость системы мира; интенция на инновацию; отказ от классической идеи «гармонии» мира; рождение «нового человека», «сверхчеловека», революционера; антинормативизм как норма; идеи вариативности и плюралистичности и др. И как в таком случае возможно говорить о стратегии формирования универсальных принципов толерантности и преодолении конфликтности, когда сама идея модернизации предполагает хаотическое (неупорядоченное) бытие человека, этноса, народа и т.д. Более того, процесс реформирования современной российской государственности в контексте либерально-демократической правовой доктрины приобрел деструктивный характер, а отечественная традиция упорядочивания национально-культурного основания жизни с позиций не только закона, но и ее религиозно-нравственных и метафизических истоков вообще не рассматривается в современных концепциях.

Качественно новое состояние правовой действительности характеризуется возрастанием влияния факторов стихийности, неопределенности, случайности, вероятности, что выражается в снижении эффективности правового регулирования. В этих условиях, имеющиеся в распоряжении правоприменителя средства не в полной мере обеспечивают инструментальные, ценностные, гносеологические и иные потребности правового регулирования. Указанные моменты, в свою очередь детерминировали необходимость поиска качественно новых средств правоприменительной деятельности для обеспечения достижения ее целей. Когда правоприменитель вынужден принимать решение в условиях информационной недостаточности, неопределенности, риск выступает результативным средством правоприменительной деятельности. Возможности использования рискованной деятельности при решении юридических дел, в условиях неопределенности, обусловлены его генетическими свойствами: он содержит, о чем заявляет В.М. Танаев, как энтропийный, так и неэнтропийный компоненты¹. Неэнтропийный компонент риска в сфере правоприменения проявляется в том, что, опосредуя процесс применения права, риск становится одним из способов фактического усложнения среды, и в то же время, средством достижения целей правоприменения и повышения эффективности правового регулирования. Кроме того, в правоприменительной деятельности риск существует объективно, независимо от того, осознается он правоприменителем или нет, учитывается при принятии решения либо игнорируется. С ним неизбежно связаны судебная, прокурорская, следственная, оперативно-розыскная, нотариальная, экспертно-криминалистическая и другие виды правоприменительной деятельности. Особую актуальность правовые риски приобретают в связи с расширяющимся процессом правовой аккультурации. Углубляющиеся тенденции к демократизации Российской правовой системы влекут за собой отказ от изоляционистской политики по отношению к западным правовым системам, обуславливают взаимодействие правовых систем и взаимопроникновение правовых явлений. В этом процессе правовые риски могут быть использованы в качестве средства правовой аккультурации, позволяющие воплощать признаваемые во всем цивилизованном мире ценности права, в политико-правовую практику Российского государства. Однако, несмотря на достаточную распространенность как в общественных отношениях в целом, так и в политико-правовой деятельности, понятие риска исследовано явно недостаточно. Исследования этого сложнейшего феномена во многих отраслях научного познания носят прикладной и во многом фрагментарный характер, что не позволяет составить полное и целостное представление о нем. Как общеправовое явление риск практически не исследован, хотя он характеризуется значительной распространенностью, что подтверждается многочисленными проблемными публикациями в средствах массовой информации. Не исследованы возможности его использования в различных видах правовой деятельности, нет научно обоснованных критериев его допустимости, не выявлены и законодательно не определены его ограничительные пределы, отсутствует и дефиниция риска в праве в целом. Тема риска обсуждается так же и в медицине, биологии,

¹ Танаев В.М. Правовая культура риска (философские заметки) // Российская культура на рубеже пространств и времен: Тезисы докладов научно-практической конференции. Екатеринбург. 1998, с. 169.

биоэтике, этике, религии и т.д. В чем же специфика изучения риска? Для ответа на этот вопрос рассмотрим возможность применения понятий «проблема» и «феномен» к «риску». Сегодня о риске говорят специалисты самых разных дисциплин. Кроме статистических подходов имеются концепции, основанные на теории решений и теории игр. Здесь есть проблемы и вопросы: например, о том, насколько могут быть осмысленно субъективированы ожидания и предпочтения. Психологи и социальные психологи установили: на самом деле люди рассчитывают совсем не так, как следует поступать. Сегодня очевидно, что, оставаясь в рамках модели количественной калькуляции риска, которая ориентируется на субъективные ожидания полезности, кое-что необходимо существенно изменить. Луман называет эту поправку порогом катастрофы². С результатами калькуляции риска соглашаются тогда и только тогда, когда они не подходят к порогу, за которым несчастье было бы воспринято как катастрофа. Проблему риска, между тем, открыли для себя и социальные науки. Культур-антропологи, социальные антропологи, политологи с полным правом указывают, что оценка риска и готовность принять риск – это проблема не только эмоционально-личностная, но, прежде всего, социокультурная.

Поведение в этих случаях соответствует либо ожиданиям относительно релевантных референтных групп, либо социализации. Эта позиция основана на том, что социальные науки лучше ощущают масштабы проблемы риска, ибо видят здесь, прежде всего, технологические и экологические проблемы современного общества. Поэтому на передний план выходит вопрос, кто принимает решение или что оказывается решающим в вопросе о том, учитывать риск или нет, если да, то в каких временных или предметных горизонтах. В дополнение к уже достаточно распространенным дискуссиям об исчислении риска, восприятии риска, оценке риска и согласии на риск теперь добавляется еще вопрос об отборе риска: какой-то риск учитывается, а какой-то нет. А исследование, специфичное именно для данной дисциплины, может обнаружить, что это не вопрос случая, что этим отбором управляют определенные социальные факторы. Однако такого рода исследования, считает Луман, все еще предполагают, что исходным пунктом остается индивид. Они модифицируют результаты психологического исследования. Но тогда возникает вопрос: какой же должна быть коммуникация, в намерение которой входит повысить сознание риска? Несомненно, обращение к социальным контекстам и операциям необходимым образом дополняет психологические интуиции, а также, конечно, позволяет убедительно объяснять те случаи, когда индивиды по-разному реагируют в разных социальных ситуациях. Но если знание становится все более полным, то в какой-то момент приходится, наконец, спросить, можно ли и дальше вменять все личным решениям? И следовало бы, независимо от этого, попытаться реализовать философско-правовой подход, состоящий в постижении феномена риска³?

Высокие культуры древности располагали совершенно иной техникой для работы с аналогичными проблемами, а потому не нуждались в слове, обозначающем то, что мы сегодня понимаем под риском. С незапамятных времен людям приходилось иметь дело с неуверенностью относительно будущего. По преимуществу же, однако, доверялись практике дивинации, которая, правда, не могла дать надежной достоверности, но, во всяком случае, гарантировала, что решения людей не возбудят гнев богов или иных сакральных сил, будучи как-то застрахованы контактом с таинственными предначертаниями судьбы. Во многих отношениях и семантический комплекс греха – это тоже функциональный эквивалент, коль скоро он может служить тому, чтобы объяснить, как дело доходит до катастрофы. Уже в морской торговле Древнего Востока имели место и сознание риска, и соответствующие правовые учреждения. Первоначально они были почти неразличимы от простого призвания богов-покровителей, но в правовой области, в особенности в разделении ролей тех, кто давал капитал, и самих мореплавателей, они явственным образом исполняли функцию страховки и тем самым вплоть до средневековья могли почти непрерывно оказывать влияние на право морской торговли. Однако в эпоху античности еще не было полностью развитого осознания того, что речь идет о рискованных решениях. Поэтому о «риске» начинают говорить только в эпоху Возрождения.

Откуда пришло слово «риск» - неизвестно. В Европе оно встречается в средневековых источниках, но распространяется лишь с началом книгопечатания в Италии. Подробных исследований по истории слова и понятия «риск» нет, и это неудивительно, поскольку оно появляется поначалу относительно редко и в очень разных предметных областях. Важными сферами его применения, как и на Востоке, становится мореплавание и морская торговля. Морское страхование выступает ранним случаем планомерного контроля рискованной деятельности. Также упоминание о риске можно обнаружить в договорах, которые регулируют, кто в случае ущерба несет риск. Существуют такие формулировки, как «ввиду риска и случайностей; для гарантий и соответственно риску; ввиду всяческого риска, опасностей и случайностей, ниспосылаемых Господом» или «кто ничем не рискует, тот ничего не получает». Но и вне этой области применения, видимо, вслед за распространением книгопечатания, слово «риск» встречается все чаще. Так как язык в это время предоставляет в распоряжение слова для обозначения опасности, дерзания, случая, счастья, мужества, страха, авантюры, то можно предположить, что понятие «риск» начинают употреблять, для обозначения проблемной ситуации, которая не может быть уже достаточно четко выражена при помощи

² Niklas Luhmann. *Der Begriff Risiko // Soziologie des Risikos*. Berlin; New York, 1991, p. 9–40.

³ Там же.

имеющегося понятийно-категориального аппарата. В то же время понятие риска выходит за границы первоначального смысла. Речь идет о понятии «риска», содержащем в себе, как можно видеть, реализуемое впоследствии раскаяние, если возникнет ущерб, которого надеялись избежать. Со времени институционализации церковной исповеди религия пыталась всеми средствами привести грешника к покаянию. Калькуляция же риска – это светская программа минимизации раскаяния. Блез Паскаль считал, что риск неверия слишком велик, ибо на карту поставлено спасение души, что касается риска веры, то ущерба не будет в любом случае⁴.

Уже эти немногие примеры производят впечатление, что здесь сокрыта весьма сложная проблема, которая служит поводом для изобретения дефиниции новых понятий. Речь идет не просто о высчитывании издержек и не только о классической этической норме умеренности и справедливости. Дело не в этих вневременных формах рациональности, с помощью которых Традиция учитывала, что жизнь – это чередование прибылей и ущерба, совершенства и испорченности, более того – их единства⁵. Дело не просто в том, чтобы выразить рациональность в некоем императиве, будь то правило оптимизации или правило золотой середины. Люди пытаются постигнуть эти правила как единое нераздельное бытие, формулируя и рекомендуя при этом само такое единство. С этим способом разрешения парадокса дуальности приходится сталкиваться, когда схематизм хорошего и дурного применяется к познающему субъекту, но дело и не только в софистике, которая называет плохое хорошим и наоборот. Дело в том, что каким-то образом нечто может развиваться не по задуманному плану в силу слишком многих причин, чтобы их можно было учесть в рациональном построении и схемах. Это придает, тем самым, понятию «риск» совершенно иное значение.

Одна только история возникновения понятия дает несколько отправных точек, указывая на то, что притязания на рациональность оказываются несостоятельными. Это свидетельствует о том, что речь идет о понятиях, с помощью которых единится время, хотя будущее не может быть известно в достаточной мере, причем даже то будущее, которое создается решениями самих людей. Начиная с Нового времени, растет уверенность, что можно манипулировать отношениями; широко распространено убеждение, что знание о чем-либо и возможность произвести это нечто коррелируется. Эта претензия в известной мере проясняется благодаря понятию «риск», а также понятию «исчисление вероятности». Кажется, что оба понятия могут гарантировать, что действия были правильными. Эти понятия придают решениям иммунитет против неудачи, коль скоро речь идет лишь о том, чтобы научиться рациональными способами избегать ошибок.

Если задать вопрос, как понимается проблема риска в этой рационалистической традиции, то получается простой ответ: ущерба следует по возможности избегать. А так как одно это требование слишком сильно ограничило бы возможности действий, то необходимо допустить также и сами эти действия, т.е. именно возможность априори «рисковать», причинять в принципе предотвратимый ущерб, коль скоро лишь калькуляция вероятности ущерба и возможной степени ущерба покажет оправданность такого поведения. До сих пор риск вычислялся путем перемножения степени ущерба и вероятности ущерба. Иными словами, речь идет об интеллектуальном контроле области рационального действия. Для этого достаточно предположить, что последствия различных решений имеют разные функции полезности и разные распределения вероятности, и характеризовать само решение, как рискованное. Без понятия риска, выходящего за эти пределы, можно обойтись, да ему и вообще не находится места в структуре этой теории. Исторически позднее появление тех ситуаций, которые обозначаются словом «риск», связано, возможно, с тем, что при помощи этого слова в одно понятие сводится множество различий. Речь идет не просто об описании мира неким наблюдателем, который видит нечто позитивное или нечто негативное, что-то фиксирует, а что-то упускает. Речь идет о реконструкции феномена множественной контингенции⁶, который, следовательно, разным наблюдателям открывает разные перспективы.

С одной стороны, в будущем дело может дойти до ущерба или не дойти. С точки зрения настоящего будущее неопределенно, в то время как уже точно известно, что будущее настоящее будет определено с точки зрения его желательности или нежелательности. Только теперь еще нельзя сказать, как именно. Однако можно знать, что ты сам или другие наблюдатели в будущем настоящем будут знать, в чем дело, и тогда они оценят это положение иначе, чем теперь, но, возможно, все по-разному. К тому же, с другой стороны, то, что может произойти в будущем, зависит от решения, которое следует принять в настоящем. Ибо о риске говорят только в тех случаях, когда может быть принято решение, без которого не возникло бы ущерба. Применительно к понятию не должно иметь решающего значения, воспринимает ли риск сам решающий как следствие своего решения, или ему вменяют это другие; не должно быть важно, в какой момент времени это происходит – во время решения или позже, лишь в случае ущерба. Самое главное для понятия, как его определяем здесь мы, состоит лишь в том, что контингентный ущерб сам причиняется контингентно, т.е. его можно избежать. И здесь тоже мыслимы различные перспективы наблюдения с

⁴ Паскаль Б. Мысли. М., 1989.

⁵ Генон Р. Избранные сочинения: Царство количества и знамение времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. М., 2003.

⁶ Контингенция – от лат. «contingere» – случаться, соприкасаться, т.е. ненужность, возможность иного, связанная, скорее всего, с какой-то (опять-таки ненужной и множественной) зависимостью. Так, любой человек мог и не существовать, если бы его родители не встретились.

самыми разными мнениями наблюдателей относительно того, следует ли принимать решение, мирясь с риском или нет. В эпохи буржуазного оптимистического подъема, а также духовного подъема строителей коммунизма общественность (здесь термин «общественность» употребляется в хабермасовском смысле) потеряла интерес к теме риска; обращение к ней даже в искусстве стало как бы предосудительным. Явный запрет на интеллектуальную проработку темы риска исходил от философов, прежде всего, аналитического направления, объявивших все этико-эстетические и религиозные принципы, а также все содержание метафизических утверждений и предложений полной бессмыслицей в силу того, что они не могут быть адекватно высказаны и выражены в языке. Отсюда и проистекала жесткая запретительная сентенция Л. Витгенштейна: «О чем нельзя сказать, о том надо молчать». Эта сентенция-запрет имела прямое отношение к теме риска. Прав ли был Витгенштейн? И да, и нет. Известно, что философия отработала методы и способы ответа, по крайней мере, на два традиционных вопроса: что есть это? почему это что есть? Применительно к теме риска эти вопросы формулируются соответственно: что есть риск? почему он есть? Такого типа вопросы создают проблемную ситуацию, т.е. ставят перед наукой задачу-задание, которую надо решить. Разрешимость проблемы с точки зрения рациональной философии есть вопрос об истине. Проблема считается разрешимой, если «при всех значениях входящих в нее переменных она принимает или может принять значение истины»⁷. Можно ли говорить о риске как проблеме в указанном выше смысле? Известно, что проблема «что-ности», заявленная впервые Платоном, есть проблема сущности предмета или вещи. Но Платон не различает знание о «что-ности» и мысли о ней, а поэтому любые умозрительные построения, выверенные логикой, не возбранялись при попытках выявить «что есть это». Кантовская трансцендентальная логика запрещает называть знанием все то, что получено без опоры на чувственный опыт, не соотносится с его содержанием. Поэтому, по Канту, знание и эмпирическое, и теоретическое (сущностное) возможно только для мира явлений. Следовательно, решить проблему «что есть риск?» можно при одном условии: должен существовать «феномен» риска и соответствующий ему опыт. Здесь употребляется понятие «феномен» в кантовском, а не в гуссерлевском смысле. Кант же определяет феномен как «все, что может быть предметом возможного опыта, что дано во времени и пространстве»⁸. Итак, изучать риск как проблему, значит предположить возможность ее существования на уровне явления, а также наличия соответствующих процедур проверки на истинность знания об этом явлении. Речь, по сути, идет об опыте риска и о проверке его содержания на истинность, что связано с процедурой многократного его воспроизводства и повтора. Чтобы стать «феноменом», риск должен быть дан нам в пространстве и во времени, т.е. явить себя в своем пространственно-временном облике. Вопрос «что есть риск?» переводит нас в план предметного рассуждения и мышления. Новоевропейской философии трудно было сделать риск предметом мышления. И этот факт можно объяснить. Мышление по своей сути – всегда мышление о чем-то, что есть, и задача мышления – развернуть содержание того, что есть, в дискурсе. Реальное событие риска имеет словесное обозначение – «риск», и в этом смысле оно есть. Но развернуть содержание этого «есть» в дискурсе невозможно, логически-дискурсивные процедуры здесь бесполезны. И именно такие случаи имел в виду Витгенштейн, требуя молчать там, где нельзя выразить нечто с помощью логического мышления. Никто не знает, до определенного времени, что такое риск, и в этом смысле он есть ничто, т.е. то, что невозможно для рассудка, логического мышления и логического осмысления. И все же о риске говорят вопреки «запрету» Л. Витгенштейна. Тема риска присутствует и в обыденной жизни, и в рассуждениях мыслителей. Феноменологический характер вопрошания предполагает, прежде всего, ответ на вопрос «как есть что?». В содержание этого ответа входит, главным образом, отношение к риску, придание риску смысла. Анализ «риска» дает возможность оценочного выявления позитивности и негативности. Через понятие «риска» можно «просмотреть» специфику ментальности эпох, определить их ценностную ориентацию, как в материальной, так и в духовной жизни. В этом смысле специфика «риска» может быть использована в качестве критерия членения исторического процесса, а также рассмотрена как одно из структурирующих начал различных культур и социальности в целом. Более того, понятие «риска» методологически мобильно и в различных вариациях соотносится с понятиями «проблема» и «феномен», что позволяет говорить о «проблеме отношения к риску», о «феномене отношения к риску».

Однако понимание риска невозможно без дефиниции самого понятия «риск», которое, несмотря на частое употребление, так же плохо прояснено. Необходимость принятия решения о наиболее целесообразной линии поведения – задача оптимального управления жизнью. Поэтому целесообразно рассматривать максимум возможных путей достижения цели. Выбор же самого удачного из них осуществляется с помощью целевой функции. В частном, но на практике часто встречающемся случае, оптимальный ход процесса может соответствовать максимальному или минимальному (в общем случае экстремальному, т.е. предельному) значению регулируемой величины. Когда решение может привести не к определенному исходу, а к одному из множества возможных с разными вероятностями их осуществления, при этом дополнительно исход операции зависит от ряда факторов, неизвестных в момент принятия решения, принимающий решение рискует получить совсем не тот результат, на который рассчитывает. Это и есть принятие решений в условиях риска. Избежать полностью риска невозможно. Риск бывает оправданный и неоправданный. Умение рисковать – это умение проводить границу между оправданным и

⁷ Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1974. С.174.

⁸ Философская энциклопедия в 5-ти тт. Т.5. М., 1979. С.313.

неоправданным риском в каждом конкретном случае. Итак, из определения риска следует, что: он представляет собой образ действий в неопределенной обстановке (наудачу); что рисковать следует лишь в тех случаях, когда возможен успех (в надежде); что ожидаемый результат риска носит не однозначный, а случайный характер. Причины неопределенности риска объясняются, с одной стороны, неполнотой наших знаний об окружающем мире, а с другой – случайностью, т.е. тем, что в сходных условиях происходит неодинаково, причем заранее нельзя предугадать, как будет в этот раз. Второй стороной риска является ожидание успеха – речь идет о некоем конечном итоге действий, в котором общий успех преобладает над общим проигрышем. Каждый же отдельный результат не обязательно должен быть позитивно-успешным. Третья сторона риска – случайность. Изучение законов случайного дает возможность предсказать общий исход действий, сопряженных с риском. Так как наука – это, прежде всего, мера, то говорить о риске с научной точки зрения означает говорить о расчетливом риске, об измеренном риске, о мере риска. Действия, сопряженные с риском, всегда целенаправленны. Под целью при этом понимается результат, который принимающий решение стремится получить и который представляет для него определенный интерес – полезность. Таким образом, в рамках современной науки, риск – это вероятность наступления неблагоприятного события, а деятельность в условиях риска – это количественно определенный образ действий в условиях неопределенности, ведущий в конечном результате к преобладанию успеха над неудачей.

Ростовский юридический институт МВД России

10 января 2007 г.

© 2007 г. Т.Б. Ерохина

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ КАК ВИД РАБОТЫ С СОЗНАНИЕМ

Важнейшей составной профессиональной работы с сознанием (под профессиональной работой с сознанием мы понимаем такую работу, которая имеет четкую направленность, конкретные задачи, специально организована, требует предварительной подготовки и владения знаниями и умениями) является самопрезентация. Самопрезентация всегда присутствует в качестве элемента работы с сознанием, но на первый план она стала выходить с начала XX в. – в массовом обществе, где индивиды, фирмы и организации имеют возможность говорить от собственного лица, опираясь на закон. Снижение степени иерархичности общества стимулирует массовый коммуникативный процесс. В любом виде профессиональной работы с сознанием – в торговле, политике, религии – речь идет о взаимодействии *социальных субъектов*, в качестве которых выступали инициаторы коммуникативной деятельности и реципиенты. Более конкретно социальную коммуникацию можно определить как коммуникацию между индивидами, индивидом и общностью, общностями, индивидом и институтом, общностью и институтом, социальными институтами [14, с. 74]. Для социальных субъектов, понятых таким образом, модель коммуникации можно описать, взяв за основу формулу, предложенную американским политологом Г.Д. Лассуэлом: «КТО – сообщает ЧТО – по какому КАНАЛУ – КОМУ – с каким эффектом?»

Критики этой модели коммуникативного процесса обычно указывают, что такая схема подчеркивает активность коммуникатора, а реципиент представляется пассивным объектом – его роль заключается лишь в реакции *post factum*. Это, очевидно, не так: уже вопрос об эффективности сообщения, поставленный Лассуэлом, подразумевает активную роль реципиента, влияние его мировоззренческих установок, связанных, прежде всего, с социальным окружением последнего, на специфику восприятия сообщения и реакции на него. Очевидно также, что для достижения успеха коммуникатор должен быть изначально сориентирован на особенности своей аудитории; именно эти особенности во многом определяют стратегию и тактику инициатора коммуникации. Эту же мысль остроумно выразил еще до рождения теоретического осмысления понятия коммуникации М. Твен: есть только один способ правильно писать письма – писать так, чтобы их было интересно читать получателю. Таким образом, мы можем, как это делает А.Н. Чумиков, представить взаимодействие субъектов социальной коммуникации как *возможное* пересечение множеств ответов на вопросы «Кто мы и что можем?» и «Кто они и чего хотят?», где «мы» – субъекты-инициаторы (ниже – просто «субъекты»), а «они» – реципиенты. Мы говорим о потенциальном пересечении потому, что оно может и не состояться, в тех, например, случаях, когда сообщение не соответствует ожиданиям и потребностям реципиентов. Но что же происходит, если необходимое для достижения коммуникативных целей пересечение возникает? На пересечении «мы» и «они», отмечает Чумиков, рождается *оптимальный образ самопрезентации*, или имидж. Создание имиджа не следует понимать исключительно как политику в области дизайна или систему идентификации. Современные авторы понимают имидж как тотальную коммуникацию [13, с. 49], как создание позитивного представления обо всем, что делал, делает, собирается сделать социальный субъект – каждый телефонный звонок, каждое устройство, каждая надпись, каждый комментарий персонала, каждое рекламное объявление или плакат [12, с. 43]. И все же, с нашей точки зрения, предпочтительнее говорить о *самопрезентации*, поскольку в этом понятии подчеркивается целенаправленная деятельность социального субъекта – инициатора коммуникации. Между тем имидж как образ субъекта социальной деятельности может складываться и независимо от его усилий – ведь этот

субъект так или иначе оказывается включенным в систему социальных отношений, и каждый участник коммуникации волен составлять о нем собственное представление, которое не обязательно совпадает с желаниями субъекта.

Сложность в использовании термина «самопрезентация» состоит в том, что субъект социальной активности не всегда является исполнителем акта представления. Часто эту роль выполняет технологический посредник, так что речь идет уже не о самопрезентации, но именно о презентации. В связи с этим, М.А. Шишкина, например, предлагает различать *базисные* и *технологические* социальные субъекты [14, с. 74-78]. Но очевидно, что, опосредованная или нет, деятельность по презентации того или иного субъекта призвана реализовывать его интересы, отражать его суть, а потому и практика презентации в конечном итоге определяется задачами самопрезентации. Различные авторы предлагают свое понимание тех элементов, которые составляют основу самопрезентации. Во многом эти схемы пересекаются, но кое в чем расходятся. Очевидно, пути самопрезентации описать тем сложнее, чем более масштабный субъект социальной деятельности подразумевается. Еще более сложно говорить о таких субъектах социальной коммуникации как *идеи, мифы, идеологии*. Выделяя идеальные образования как *особый вид социальных субъектов*, мы опираемся на понимание, предложенное М.А. Шишкиной, которая относит их к *превращенным субъектам* [14, с. 80-81]. Исходя из иерархии сложности выделенных типов социальных субъектов, попытаемся обрисовать модели самопрезентации индивида, организации, идеи (мифа, идеологии).

Безусловно, ни один индивид не может выступать в качестве социального субъекта тогда, когда его деятельность не связана с деятельностью определенной социальной группы. Другими словами, индивид включен в систему социальной коммуникации не как господин Иванов, или мистер Джонс, а как директор или рядовой сотрудник фирмы, архиепископ или пастор, лидер политической партии или ее рядовой член. Таким образом, самопрезентация индивида как социального субъекта всегда будет иметь значение для самопрезентации той группы (организации), которую он представляет – и тем большее значение, чем более высокий социальный статус внутри этой группы имеет индивид. Кроме того, достаточно хорошо изучен такой механизм как *персонификация* – отождествление конкретного лица с организацией. Так, образ политической партии часто складывается из впечатлений о ее лидере [2, с. 75-82]. Однако специфика самопрезентации индивида очевидно связана с тем, что он, в отличие от, скажем, партии, фирмы или мифа, является эмпирически данным фактом. Другими словами, индивида можно видеть и/или слышать – если не воочию, то благодаря таким средствам массовой коммуникации, как радио, телевидение, Интернет. Поэтому значительную роль в самопрезентации индивида играет его физический образ, стиль речи и манера поведения. Несомненно, все это зависит от трех моментов: какой образ желает создать индивид, к какой аудитории (сегменту) он обращается, в каком социокультурном пространстве он действует. Трудно, в частности, вообразить Ганди в окружении германцев, в массе пассивно-резистентных. Аскетическая практика и сексуальный целибат (брахмачари) Ганди были эффективны и соответствовали индуистскому контексту Индии. В Латинской Америке, напротив, махизмо, или синдром мужественности, является культурно приемлемым и считается необходимой характеристикой каудильо (политический лидер) (Gillen, John). Даже черты харизматической притягательности индивида тоже различаются от культуры к культуре (Magnarella, Paul J.). Здесь срабатывает такой механизм самопрезентации, как *социальный стереотип*.

Специфика аудитории (сегмента) также определяет особенности самопрезентации индивида. Так, аудиторией «Церкви Христа» («Бостонское движение») являются, в целом, студенты технических и гуманитарных вузов, техникумов, колледжей. Проповедь в этой аудитории очень напоминает поп-шоу, а выступление проповедника – хорошо тонированную речь диск-жокея, с первых же минут задается нужный темп, до самого конца выдерживается ритм, сравнения наглядны и просты. Для иллюстрации приведем фрагмент выступления А. Костенко и М. Раковщика (руководителей «Церкви Христа» в РФ и Москве): «Давайте откроем Евангелие от Иоанна, вторую главу, аминь? Смотрите на Иисуса. Он приходит в храм: и наша картина об Иисусе – замарашка!... Иисус достает кнут и говорит: «Понимаете, что Я делаю? Меня это достает! Меня ревность снедает!»... Кем я был? Я вспоминаю это слово – замарашка! Без Христа, давайте, мы все замарашки... Бог не тратит много времени на сантименты с вами... Бог бы был поражен сейчас, увидев наше собрание. Бог был бы самым счастливым на земле сейчас! Это здорово, аминь... От Востока до Запада прославляйте имя Господне. Аминь?... Бог делает чудеса в жизнях людей, которые собрались здесь сегодня. Аминь?!» Атмосфера нагнетается периодическими выкриками из зала: «Давай, бра-ат!», «Скажи, Миш!» (имена выступающих объявляются заранее) [10, с. 275]. Пожалуй, даже кумир тинэйджеров – Децл (ныне Le Truke) – не мог бы лучше соответствовать своей аудитории.

Наконец, самопрезентация индивида подразумевает демонстрацию определенных личностных качеств: решительность, хозяйственность, ум и т.п. Несомненно, что выдающиеся (или признанные таковыми) исторические социальные субъекты выполняли «социальный заказ эпохи». Однако для выполнения этого заказа они все же должны были обладать соответствующими ему личностными качествами. «Трудно вообразить, что могло бы произойти с Америкой в 30-е гг., если бы на посту президента находился человек, не превышающий по своим личностным данным предшественников и преемников Ф.Д. Рузвельта – или с Францией, если бы в 1958 г. в ее политическом резерве не было Шарля де Голля» [2]. Однако еще Никколо Макиавелли писал в своем известном произведении, что политику необязательно обладать всеми желаемыми качествами, ему лишь нужно производить впечатление, что обладаешь ими. В современном

обществе это положение все в большей степени превращается в реальный механизм создания искусственного образа лидера-для-публики, замещающего в сознании людей действительного человека. В сфере политических коммуникаций этот механизм самопрезентации может иметь самые негативные последствия. Ведь именно к этому сконструированному образу люди обращают свои ожидания и надежды, именно этот посредник между действительным лидером и людьми начинает в процессе политической коммуникации выполнять некоторые важные функции лидера. На фоне возрастающей пассивности самого лидера, имидж которого используется в политической коммуникации, возникает угроза манипуляции не только общественным мнением, но и самим лидером. Здесь становится возможной не просто подмена лидера, а его устранение из реального политического процесса.

Механизмы персонификации не являются единственными иррациональными процессами, которые задействует самопрезентация индивида, имеющего высокий социальный статус внутри группы, организации, социального института. У лидера всегда есть «шанс» отождествления с тем или иным архетипом, стать символом не только своей организации, но и важных для реципиентов в психологическом отношении глубинных конструкций сознания. Осознав, чего хочет аудитория, индивид как социальный субъект может стать Героем своеобразного мифа, принимая образ Мудреца, Воителя, Трикстера, Царя, Нищего. Таким образом, самопрезентация субъекта закрепляется на эмоциональном уровне, а ее механизм в этом случае может быть определен как архетипическое кодирование [11, с. 178]. Но до сих пор мы говорили о самопрезентации индивидов, которые своим положением в социальной иерархии вызывают особый интерес. Между тем, в реальной жизни гораздо чаще происходят встречи с рядовыми представителями тех или иных социальных групп и организаций. Имидж каждого из них – разумеется, в процессе профессиональной деятельности – небезразличен для политики самопрезентации, которую проводит организация. Например, одежда персонала предприятий «Макдональдс» (спортивного типа брюки, юбки и блузки; фирменные кепки и т. д.) призвана демонстрировать демократичность, непринужденность, создать атмосферу быстроты и свежести. Этот образ находится в полном соответствии с общей философией фирмы [13, с. 58]. И в заключение рассмотрения проблемы самопрезентации индивида нужно артикулировать требование, общее для самопрезентации всех субъектов социальной деятельности: синергичность. Все сигналы, которые поступают к реципиенту, должны находиться в соответствии, выстраиваясь в непротиворечивый ряд звуков, цветов, фона, положения тела, рук, стиля одежды, прически и т.д. Если индивид стремится говорить раскованно и смело, а его поза свидетельствует о внутренней робости, он едва ли добьется желаемого эффекта самопрезентации [4; 7; 8; 9 и др.].

Сказанное верно и в том случае, когда мы обращаемся к рассмотрению образа организации. Синергичность сигналов, из которых складывается этот образ, является необходимым условием. Если организация заявляет о себе как о пионере технологической мысли, но ее способы рекламы, штаб-квартира и даже сообщения тяжеловесны и старомодны, имидж компании едва ли произведет желаемое впечатление, замечает А.Н. Чумиков [13, с. 70]. То же самое говорит об имидже организации П. Стоукс: он должен подаваться как некая «личность», в которой все стороны сочетаются в единый образ [6, с. 304]. Очевидно, заявленному образу должен соответствовать и дизайн web-сайта. На создание образа организации «работает» множество факторов. К ним относится и корпоративная философия, которую можно понимать как совокупность этических и правовых норм, определяющих внутрикорпоративные отношения, которые часто определяют отношение служащих к самой компании – а этот показатель точно отражает собственно имидж организации [6, с. 308]. Большое значение имеет уникальность этой корпоративной философии, которая, тем не менее, не должна противоречить существующим на международном, государственном, региональном уровне законам. Впрочем, это не мешает организации выдвигать более жесткие требования, чем это предусмотрено сводом законов. Например, в Правилах деловой этики сотрудников «Проктер энд Гэмбл» оговаривается, что «сотрудник и его ближайшие родственники не должны иметь имущественной и финансовой заинтересованности в деятельности какой-либо конкурирующей компании или же в деятельности фирмы – поставщика или заказчика, с которой данный сотрудник взаимодействует в ходе своей работы» [13, с. 51]. Любопытно, что точно такие требования выдвигались такой средневековой торговой корпорацией как «Ганза» [1].

Еще одним фактором, который определяет образ организации, является «фирменная легенда», которая может иметь отношение к реальным фактам – например, к биографии основателя организации, а может принимать форму сказки, мифа, легенды. Например, популярна история о том, как иммигрировавший из Англии Вильям Проктер и путешествующий ирландец Джеймс Гэмбл закончили свои странствия в Цинциннати: у Вильяма тяжело заболела жена, а Джеймсу самому потребовалось медицинское обследование. Вскоре после смерти жены Проктер открывает небольшую фабрику по изготовлению свечей, а Гэмбл становится мыловаром. Молодые люди, возможно, никогда бы не встретились, если бы не женились на двух сестрах, чей отец и убедил своих зятьев стать партнерами. Действительно, трогательная история, достойная сюжета киносценария [13, с. 53]. Еще один пример – Дэвид Сарнов, вице-президент RCA (Radio Corporation of America), который стал советником президента США, когда ему едва перевалило за 30. Бумаги RCA, образовавшейся на заре развития радио, скоро становятся самым привлекательным объектом для вложения капитала. За один лишь 1928 г. курс ее акций повышается в пять раз. А в эпоху развития телевидения Сарнов связывает свою судьбу с NBC, оставаясь на волне движения передовых технологий. Показательно, что NBC первой начинает цветные трансляции, обходя своих конкурентов. И RCA, и NBC – безусловно, успешные компании; и, безусловно, успешна биография Сарнова,

сына выходцев из России, который начинал свою карьеру посыльным в «Commercial Cable Company», получая 5 долларов в неделю и 10 центов за час сверхурочных. Именно Сарнов был тем радистом, который поймал сигнал SOS с тонущего «Титаника», и именно он трое суток оставался посредником между кораблем и остальным миром. Именно Сарнову сказал в доверительной беседе о тонкостях профессии великолепный Маркони: «Дэвид, мы знаем, как они (электромагнитные волны) работают, но не знаем, почему». В общем, биография Дэвида Сарнова – это уже не просто история, а настоящая легенда, весьма напоминающая пример реализации «американской мечты» [3].

Если же реальные люди, связанные с деятельностью организации, не могут служить примером «фирменной легенды», то такие образы следует создавать. Как правило, эти образы принимают вид «интегрированной личности» и демонстрируют близость тем или иным слоям населения, позволяя обратиться к чувствам патриотизма, самосохранения, религиозности, любви и т.п. Особенно актуально создание такой «интегрированной личности», когда речь идет об организациях, связанных с производством электронного оборудования или металла. Как выстроить имидж такой компании в глазах широкой общественности, которая, как правило, не интересуется приобретением металла? Можно вспомнить такой мифологический персонаж как «миссис Смит из Денвера», образ которой создала компания «Стандарт Ойл». Эта компания не стала провозглашать, что ее товары – нефтепродукты – встречаются на каждом шагу. Но она сообщила, что сделала пожертвование на развитие высшего образования и дети «миссис Смит» смогут стать инженерами или врачами [6, с. 302]. Образ «Миссис Смит» и подобных ей персонажей расширяет «фирменную легенду», создавая круг «друзей» организации – или, напротив, рисуя ее «врагов». Подобный прием использовала и отечественная компания «BBDO Marketing» в рекламе сока «Моя семья». Рекламные ролики, сделанные по заказу компании Нидан-ФУДС, повествовали о типично семейных ситуациях (муж бросает пиджак, где попало, дочь балуется, приезжает теща и т.п.), которые с успехом разрешались с помощью сока. Но главным здесь был не имидж сока как товара, а имидж семей, которые его используют, которые как бы говорили аудиторией: «Мы такие же, как вы. Мы среди вас» [5].

Очевидно, что политика самопрезентации во многом напоминает формирование собственного дома: какой у него фундамент, стены, кто в доме живет, по каким правилам, с кем дружат обитатели дома, с кем враждуют – неслучайно именно эту аналогию использует А.Н. Чумиков, рисуя схему самопрезентации компании [13, с. 50-66]. Это маленькая мифо-Вселенная со своим населением и законами, своеобразное «Средиземье», жители которого, конечно, борются со Злом и отстаивают Добро (как тут не вспомнить компьютерную компанию, выбравшую для себя имя «Гэндальф»). И в этой Вселенной-доме, конечно, поют: музыка и песни – это небо над домом, продолжает свою аналогию Чумиков. Что же поют, какую музыку слушают в доме-организации? Например, Ростроповича. Так, 10 февраля 1990 г. «Известия» поместили следующий текст: «Мы рады сообщить о большом событии в культурной жизни Советского Союза. Известный во всем мире виолончелист Мстислав Ростропович впервые вновь посетит свою Родину, которую покинул 15 лет назад. Он выступит в качестве дирижера и солиста национального Симфонического Оркестра США и даст концерты 13 и 14 февраля в Москве и 16 и 17 февраля в Ленинграде. Фирма «Проктер энд Гэмбл» гордится тем, что она является одним из спонсоров этих гастролей. Фирма «Проктер энд Гэмбл, основанная 150 лет назад в США, является сегодня одним из ведущих производителей товаров широкого потребления...», – а дальше, как можно догадаться, следует информация о том, «кто в доме живет», и что его обитатели делают в свободное от занятий музыкой время. А «Альфа-банк», например, предпочитает респектабельную, но не слишком элитарную музыку: Рей Чарльз, Элтон Джон, Стинг, Тина Тернер [13, с. 66]. Конечно, организовывать гастролы известных исполнителей можно, опираясь на рейтинг MTV, «Фабрики звезд» и т.д., но и музыка, которая звучит «в доме» создает ему определенный образ, а потому и она должна соответствовать интегрированному образу организации. Наконец, следует особо сказать о презентации идей и мифов как о способе их продвижения. Как замечает М.А. Шишкина, такое продвижение не только возможно, но и в технологическом отношении ничем не отличается от презентации товара, индивида или организации [14, с. 81]. Безусловно, по понятным причинам, в качестве действующего субъекта здесь всегда выступает субъект технологический, которым может быть пророк, апостол, миссионер, политический деятель, партия и т.д., т.е. индивид и/или организация. Поэтому все, что было сказано о политике самопрезентации выше, относится и к презентации идей. Однако, в отличие от эмпирических лиц и товаров, идеи нельзя воспринимать в реальности, так что в их восприятии индивид всегда будет полагаться на свой ограниченный индивидуальный опыт и его стереотипы. В презентации идей эти факторы играют самую существенную роль. Так, Н.Я. Мандельштам (жена поэта О. Мандельштама) рассказывала в своих воспоминаниях о беседе с деревенской старушкой, ее соседкой во время ссылки на севере России. Рассуждая о своем и своих односельчан нелегком существовании, соседка считала его все же более благополучным, чем жизнь трудящихся на Западе: «Нам хоть селедку, да керосин завезут, а у них и того нет». Это яркий пример взаимодействия идеологических клише с индивидуальным опытом. Советская пропаганда не утверждала, что в капиталистических странах простым людям нечего есть и нечем освещать жилище, она ограничивалась общими утверждениями об их «абсолютном и относительном обнищании». Русская старушка, для которой тарелка радиорепродуктора наверняка была единственным источником информации о заграничье, не мудрствуя лукаво, перевела эту общую схему на язык собственных представлений о крайней бедности [2].

В свете этого становится очевидным, что для адекватной презентации идей требуется формирование или активизация *желаемых* стереотипов, или, как это называют авторы «Политической рекламы», создание перцептивного экрана. Стереотипы, которые влияют на принятие решения, всегда делают этот процесс нелогичным для внешнего наблюдателя, выводят его за пределы контроля технологического субъекта. «По большей части», – писал У.Липпман, который ввел понятие «стереотип» в широкий социальный и политический научный дискурс, – «вместо того, чтобы сначала увидеть, а потом определять, мы, напротив, сначала определяем, а потом видим, мы замечаем только то, что уже сформулировано для нас нашей культурой, причем воспринимаем это замеченное в форме стереотипов своей культуры» [2, с. 43]. Таким образом, одной из главных задач в презентации идей нужно считать управление стереотипами культуры на уровне массового сознания. С этим связано правило *соответствия места и времени содержанию сообщения*.

Резюмируя все, что мы сказали о самопрезентации социальных субъектов как о форме работы с сознанием, можно заметить, что условием *sine qua non* успеха в этой деятельности является наличие публичной сферы. Только в этой сфере социальный субъект разворачивает свою коммуникативную деятельность, только здесь имеет смысл говорить о том, пользуется ли его образ «спросом» и насколько эффективной была его политика работы с сознанием. Только здесь успех в управлении коммуникативным пространством создает этому субъекту определенный капитал – не только экономический, но и культурный, и символический. Нетрудно заметить, что целью работы с сознанием в этом контексте является формирование эффективной системы коммуникаций социального субъекта с общественностью, которая выражается в оптимизации социальных взаимодействий со значимыми для него сегментами среды. В XX в. эта цель кристаллизуется в особую профессиональную область: Public Relations или PR.

Литература

1. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. М., 1986, Т. II.
2. *Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология. М., 1994.
3. *Докторов Б., Травин Д.* Дэвид Сарнов. Покорение Голиафа // Дело, 2002.
4. *Имидж лидера.* Психологическое пособие для политиков. М., 1994.
5. *Казанцева А.* Моя семья // Индустрия рекламы, 2003, № 7.
6. *Королько В.Г.* Основы публич рилейшнз. М., 2000.
7. *Козн Д.* Язык тела для улучшения взаимоотношений. М., 2002.
8. *Лабунская В.А.* Невербальное поведение. Ростов н/Д, 1986.
9. *Лабунская В.А.* Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов н/Д, 1999.
10. Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера. Белгород, 1997.
11. *Сельченко К.* Загадка чарующего образа. М., 1995.
12. *Хэйвуд Роджер.* Все о Public Relations. М., 1999.
13. *Чумиков А.Н.* Связи с общественностью. М., 2000.
14. *Шишкина М.А.* Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб., 2002.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

15 декабря 2006 г.

© 2007 г. Ю.Г. Ефимов

МИГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ: КОРРЕЛЯЦИЯ ПОНЯТИЙ В СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИГРАЦИОЛОГИИ

Реальным проявлением ощущения социумом опасности является социальная напряженность, т.е. состояние социума, испытывающего дискомфорт от потенциальной или реальной угрозы безопасности социальной системы. Достижение критического уровня социального напряжения создает опасность, является угрозой безопасности обществу, государству или их составным частям (сферам). Мы согласны с Р.Г. Яновским, что в начале XXI в., во-первых, именно человек и семья, их благополучие и безопасность становятся ядром личной, общественной, государственной, национальной и коллективной (международной) безопасности. Именно политизация каждого человека, проистекающая из желания личной безопасности и безопасности своей семьи, порождает феномен «массового политического пробуждения человечества» (что может быть использовано политической элитой для достижения совершенно разных целей) и «становится источником интеллектуального согласия или беспорядка, а также политического согласия или конфликта» [1]. Во-вторых, фундаментом существования человеческого общества становится противоречие между субъективными ожиданиями человека и объективными социально-экономическими условиями. Это в свою очередь порождает универсальную угрозу человеку, семье, обществу. Р.Г. Яновский отмечает, что «возможное столкновение из-за этого противоречия содержит опасность того, что мировая политика станет во все большей степени неуправляемой, генерируя, тем самым, огромный политический» [1] и иной другой

беспорядок. Последнее связано с новым пониманием и прочтением прав человека и его обязанностей по отношению к семье, обществу, государству, человечеству, природе.

Самочувствие общества есть важный индикатор степени социальной безопасности. Под угрозой безопасности мы понимаем появление факторов, нарушающих установившийся порядок (легитимный или общепринятый), такой порядок, который обеспечивает приемлемый уровень социальной напряженности, сбалансированное сосуществование различных, зачастую разнородных интересов, не позволяет социальной напряженности переходить в разрушительную стадию конфликта. Безусловно, самочувствие общества может характеризоваться как позитивное только тогда, когда имеются в наличии социальный порядок и стабильность. Именно порядок и стабильность выступают факторами, от которых зависят хорошее настроение и самочувствие больших масс населения. Эти настроения неразрывно связаны с чувствами уверенности в завтрашнем дне для себя, своих близких, общества в целом. Человек, попав в ситуацию угрозы личной безопасности, оказывается перед необходимостью определения новой жизненной стратегии. Индивидуальной реакцией на внешнюю угрозу становится, в том числе, и решение о переезде. Мы согласны с Г.Г. Гольдиным в том, что «потенциальный мигрант, еще не представляя свои возможные перспективы, обязан принимать решения, которые, согласно его предположениям стабилизируют, а может, и улучшат его положение в обществе» [2].

Выделим следующие индикаторы социальной безопасности: соответствие уровня и образа жизни населения среднероссийским стандартам; наращивание региональной собственности и финансовых источников, обеспечивающих реализацию региональной социальной политики; формирование концептуальных возможностей региона для эффективного использования ресурсов, рабочих мест, научного и образовательного уровня населения; развитие социальной инфраструктуры для формирования внутри- и межрегиональных связей населения; уровень стабильности общественно-политической и национально-этнической ситуации в регионе. Миграционные процессы влияют практически на все данные индикаторы социальной безопасности. Особенно четко это проявляется в общественно-политической и национально-этнической ситуации в Ставропольском крае.

Сегодня на территории России официальная статистика насчитывает более 8 млн. мигрантов из стран бывшего СССР. Большая часть этих людей не в состоянии устроить свою жизнь на новом месте. Специфика миграций на Северном Кавказе определяется, прежде всего, особенностями его геополитического положения. Уникальное местонахождение Кавказа с древнейших времен уготовило ему особую роль перекрестка цивилизаций, центра взаимодействия разнообразных этнических, экономических и политических процессов. Наличие многочисленных межэтнических конфликтов в приграничных территориях составляет негативный аспект геополитического положения Северо-Кавказского региона. Народы, оказавшиеся в зонах конфликта, рассматривают Россию и Северный Кавказ как надежное укрытие. Это вызывает вынужденные миграции, как пришлого населения, так и коренных народов. Межэтнические конфликты на территории самого Северного Кавказа усугубляют негативные последствия его геополитического положения, превращая его в район этнической катастрофы. Северный Кавказ – самый проблемный в миграционном отношении регион страны. В 1990-2000 гг. миграционный прирост населения в Ставропольском крае составил почти 270 тыс. человек, в Северо-Кавказском регионе превысил 1млн. человек, в целом по России – около 3,5 млн. человек. Наиболее интенсивно миграционные процессы идут в Краснодарском, Ставропольском краях и в Ростовской области. Так в 2000 г. миграционный прирост наличного населения Ставропольского края составил 4,6 тыс. человек (2,2% от Российского уровня), Краснодарского края – 22,6 (11%), Ростовской области – 7,7 (4%). В определенном смысле Северный Кавказ является замкнутым миграционным районом. Возникающие в нем миграционные потоки здесь же и абсорбируются. С другой стороны Северный Кавказ имеет тесные миграционные связи с государствами Закавказья в силу своего геополитического положения и наличия многочисленных диаспор. Практически весь миграционный поток из закавказских республик, за исключением «разделенных» народов, оседает в русских районах Северного Кавказа. В последнее десятилетие для Северного Кавказа стала актуальной проблема незаконной миграции. В настоящее время на Северном Кавказе сложились крупные иммиграционные общины. Их существование порождает множество негативных явлений. Особую тревогу вызывают организованные структуры враждующих между собой землячеств иностранцев из ближнего и дальнего зарубежья. Их члены, зачастую имеющие опыт ведения боевых действий, уже сейчас способны оказывать влияние на обстановку в регионе. Большую опасность представляет также растущая политическая активность ряда организованных иммигрантских общин. Прослеживается заинтересованность по отношению к иммигрантам со стороны иностранных спецслужб, ряда террористических и религиозных организаций.

Итогом миграционных процессов в Ставрополье также стало сокращение доли русского населения в восточных районах края за счет роста числа жителей кавказских национальностей, отмечается рост напряженности на почве обострения межэтнических отношений, создается почва для распространения националистических идей. Миграционные передвижения вносят коренные изменения в жизнь самих мигрантов, а также имеют крупные социальные последствия для тех регионов, куда направляются миграционные потоки. В Ставропольском крае наблюдается динамика роста малообеспеченных слоев среди вынужденных мигрантов. Происходит обострение вопросов поиска работы и покупки жилья (особенно в густо населенных районах края). Следует напомнить позицию официальных властей по этому вопросу: край

исчерпал возможности в приеме данной категории мигрантов, а его социальная инфраструктура в значительной степени насыщена и не может обеспечить нормальными условиями пребывания новых массовых потоков беженцев и вынужденных переселенцев. Однако стоит сказать, что данная проблема выглядит не совсем так, как ее представляют государственные чиновники. Данная позиция краевого политического истеблишмента объясняется желанием получить средства из федерального бюджета. Она не столь безобидна, как кажется на первый взгляд, и имеет негативные социально-политические последствия. Искусственно создается ситуация, которая усиливает напряженность между мигрантами и коренным населением. К этому же ведут и популистские призывы принять заведомо нереалистичный закон о запрете постоянной регистрации приезжих в Ставропольском крае, как в приграничном. Миграция населения является одним из факторов, характеризующих социально-политическое положение региона, а значит оказывающим влияние на его безопасность. Мы согласны с Б.Д. Иваниковым в том, что в Ставропольский край в начале 90-х гг. XX в. хлынули мощные миграционные потоки, вызванные межнациональными вооруженными конфликтами в республиках бывшего СССР, нарушив сложившееся соотношение представителей различных этносов. Данные процессы привели к сукцессии, которая ведет к подрыву безопасности и стабильности региона [3]. Характерными для сукцессии в крае, кроме ее высоких темпов, являются следующие черты: освоение мигрантами из Дагестана, Чечни, Армении, Азербайджана некоторых сфер деятельности, таких как скотоводство и торговля; освоение территорий, прежде всего, в сельских районах.

Исключительно высокие темпы миграции, большая, чем у русских, рождаемость, родовая (тейповая) сплоченность – все, что ведет к сукцессии, вызывает, заметный рост недовольства русского населения. Это может привести к стихийной вспышке насильственных выступлений. Рассмотрев проблемы безопасности и миграции на примере Ставропольского края, далее мы кратко остановимся на выявлении корреляции миграции с некоторыми сферами национальной безопасности. По мнению главного консультанта Международной организации по миграции (International Organization for Migration) Б. Гноша, трансграничная миграция является глобальным вызовом современной цивилизации [4]. Можно выделить ряд причин, позволяющих зарубежным и отечественным авторам возводить трансграничную миграцию в ранг глобальной проблемы. Одной из причин миграции является бедность, которая в свою очередь является причиной усиления нагрузки на окружающую среду. По мнению О.Н. Яницкого, процесс адаптации мигрантов к новым условиям всегда протекает за счет сил природы и порождает новые социальные риски [5].

Восстановление прежней социально-экологической ниши на новом месте обычно начинается с более низкого социального уровня. Наблюдается своего рода социальная сукцессия – люди беднеют, ожесточаются, нормой становятся социальные конфликты мигрантов с аборигенами. В том случае, если несущая способность экосистемы, в которой оказались запертыми мигранты, оказалась исчерпанной, возникает латентная стадия конфликта, социум порождает феномен «диких гусей». «Так или иначе, люди, вытолкнутые из своей экологической ниши и оказавшиеся в экстремальной ситуации, никогда не будут считаться с тем, что в обществе должны существовать «ничьи» земли и пространства (заповедники или иные резерваты), изъятые из общественного или личного пользования. Бедность и неустроенность всегда идут рука об руку с пренебрежением к риску, неважно техногенному или социогенному», - писал О. Яницкий [5].

Урбанизация и трансграничная миграция, по мнению Национального комитета США по разведке, будут в ближайшие пятнадцать лет основными тенденциями мирового развития [6]. В 2015 году больше половины населения будет городским. По прогнозам бурный рост городов будет наблюдаться в развивающихся странах (городское население развивающихся стран в 1990 году составляло 1,36 млрд. человек) [7]. Это станет испытанием для правительств: смогут ли они стимулировать приток инвестиций, необходимых для создания рабочих мест и обеспечения услуг, развития инфраструктуры и системы социальной помощи. Урбанизированность в развитых странах составляет 70-75 %. В условиях высокой плотности населения в городах проявляются различные негативные процессы, ведущие к нарушению здоровья и высокой стрессированности населения. Стрессированность, скученность, напряженный ритм жизни порождают бытовую и политическую агрессивность с крайним ее проявлением – терроризмом. Попытка стабилизации ситуации связывается рядом авторов с усилением политической власти, ростом бюрократических институтов. Социальный стресс делает массовое сознание более восприимчивым к ультрарадикальным лозунгам, мифам, слухам. Популярность ультраправых во Франции, Германии, Австрии, Нидерландах зиждется на многих факторах, одним из которых является лозунг конца истории и жизни вообще. Так, несмотря на терпимость, сформированную в диалогичной культуре европейцев, настроенных на восприятие новой информации от новых людей, многие страны Европы ощутили на себе всплеск расизма, ксенофобии и мигрантофобии. Иммигранты воспринимаются как опасный элемент ломки сложившейся этносоциальной однородности и структурированности, в их поведении усматриваются неуважение к нормам и традициям той культуры, в которую они попали, пренебрежение сложившимися в этой среде ценностями и устоями

По прогнозам, в богатых странах, принимающих мигрантов, миграция ослабит общественно-политическое единство, в бедных странах – массовое перемещение людей может привести к экологической катастрофе, этническому дисбалансу и вызвать межнациональные конфликты. Наряду со многими, фундаментальными факторами, определяющими миграцию ситуацию, выделяется также экономическая и демографическая ситуация. Реальной экономической безопасностью можно называть такое состояние

функционирования агентов экономической жизни, которое способно обеспечить социальную стабильность и национальную безопасность. Современная миграция рабочей силы приобрела планетарные масштабы. В мировой миграционный круговорот трудящихся вовлечены практически все страны. Создан мировой рынок рабочей силы. В начале 80-х годов общая численность рабочих – мигрантов вместе с членами их семей оценивалась экспертами Международной организации труда (МОТ) примерно в 40-50 млн. без учета иностранных рабочих в Австралии, Канаде, Новой Зеландии и небольших странах мира, а также нелегальных мигрантов. В настоящее время только легальных мигрантов насчитывается от 120 до 200 млн. человек [8]. Причем более половины из них являются выходцами из развивающихся стран, 2/3 из которых поселяются в индустриально развитых странах. Международная трудовая миграция понимается как эмиграция и иммиграция людей в трудоспособном возрасте с целью получения работы вне своей страны проживания в течение определенного периода времени. Этот процесс особенно активно стал развиваться в последние десятилетия XX в., когда перемещения рабочей силы через национальные границы государств стали приобретать массовый характер, превратившись в один из составных элементов функционирования мирового хозяйства. Трудовая миграция превратилась в сложный и многофакторный процесс перемещения населения. Это обострило политические и социально-экономические проблемы в странах ЕС, вызвало к жизни волну антииммиграционных настроений. Остро встала проблема нелегальной эмиграции и проникновения на Запад организованной преступности с Востока. Масштабы миграционных потоков рабочей силы заставили государства объединить свои усилия, чтобы выработать политические решения. Как уже отмечалось ранее, мощным выталкивающим фактором является демографический пресс. Еще в 70-е гг. теоретики Римского клуба, размышляя о путях и механизмах устойчивого развития, пришли к выводу, что развитие и развертывание человеческого потенциала – это то, что, в конечном счете, детерминирует успех или крах экономического, социального и любого вида развития. Именно человеческий потенциал является главной составляющей национального богатства, основной движущей силой экономического роста и основой социальной, экономической безопасности. Для выявления динамики развития человеческого потенциала и капитала, для анализа социального прогресса используют индекс развития человеческого потенциала. В его основе лежат три индикатора: индикатор продолжительности предстоящей жизни как обобщенное выражение состояния здоровья населения, что позволяет оценить реальные возможности трудового потенциала; индикатор образовательного уровня, который характеризует величину накопленных знаний и умений; индикатор благосостояния взрослого населения, который раскрывает качество жизни. В контексте данной работы нас интересует первый индикатор. Согласно оценкам Госкомстата, индексы развития человеческого потенциала в России постоянно снижаются. Учитывая демографические тенденции и размещение населения России можно утверждать, что без «новожителей» развитие страны невозможно, а также невозможно и улучшение жизни, и удвоение ВВП в том числе.

Литература

1. Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М., 1999.
2. Гольдин Г.Г. Миграция и проблемы ее регулирования. М., 2000.
3. Иванников Б.Д. Сукцессия в аспекте региональной безопасности // Современные проблемы региональной безопасности. Ставрополь, 1997.
4. Ghoch B. Movements of people as a global challenge and the European dilemma // Non-military aspects of international security / UNESCO, 1995.
5. Яницкий О.Н. Экологические движения в России. Критический анализ. М., 1996.
6. Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года. Екатеринбург, 2002.
7. World Resources, 1990 – 1991. – N.Y.
8. Labour migration // International migration policies / UN. Dep. of econ. and. social affairs. Population div. N.Y., 1998.

Ставропольский государственный аграрный университет

9 января 2007 г.

© 2007 г. Т.С. Кривцова

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ТРУД: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТЬ

Профессиональный труд и профессиональная подготовка к деятельности относятся к числу важных и сложных проблем современности. По существу, это проблема жизненной практики любого современного государства, она требует к себе постоянного внимания и теоретического осмысления. Профессиональный труд был и остается поныне постоянно востребованным трудом, потребность в нем всегда ощущается в различных сферах деятельности. В условиях современного производства эта потребность усиливается. С развитием производительных сил содержательность труда изменяется, но сущность его сохраняется, поскольку сущность любого явления определяется атрибутивными свойствами, без которых оно не может существовать. Сущность и содержательность профессионального труда отличается от непрофессионального труда, как и труд физический от труда умственного. При определении сущности профессионального труда и

его содержательности могут быть применены различные подходы. Мы исходим из той общей характеристики труда, которую дал К. Маркс в «Капитале», где он отмечал, что «Труд есть, прежде всего, процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредует, регулирует обмен веществ между собой и природой [1]. При этом К. Маркс добавлял: «простые моменты процесса труда следующие: целесообразная деятельность или самый труд и средства труда» [1]. В «Капитале» К. Маркс дал характеристику труда применительно к материальному производству, где процесс труда связан с обменом веществом и энергией между человеком и природными объектами. Сущность этого обмена в том, что человек с помощью средств труда отделяет от природных объектов определенную часть вещества, физического поля, энергии, изменяя геометрические, физические, химические и другие природные свойства их. При этом человек отдает во вне, в объекты и средства труда свою энергию, происходят затраты человеческого организма. К. Маркс по этому поводу замечал, что как бы различны ни были отдельные виды полезного труда, с физиологической стороны это, во всяком случае, функции человеческого организма, и каждая такая функция, по существу, есть трата человеческого мозга, нервов, мускулов, органов чувств и т.д. [1]. Духовный труд не связан непосредственно с воздействием человека на объекты природы. Духовный труд представляет собой процесс, совершающийся между сознанием индивидуального человека и общественным сознанием, в котором человек своим активным мышлением опосредует, регулирует обмен информацией между собой и общественной памятью. Но и в этом случае, с физиологической стороны – это функции человеческого организма, трата его мозга, нервов, органов чувств, напряжения и т.д. В общем можно сказать, что человеческий труд представляет собой процесс целенаправленного воздействия человека с помощью определенных средств на объекты труда, для получения конечного полезного результата. Труд, как процесс воздействия человека на объекты труда, обладает определенными сущностными свойствами, которые обусловлены действиями человека. К ним мы можем отнести следующие. Во-первых, это целенаправленность. Отдавая свою энергию, свои физические силы в процессе воздействия на объекты труда, человек ставит своей целью получить необходимый результат, определенный продукт (материальный или духовный), удовлетворяющий те или иные его потребности и интересы. Во-вторых, это всегда активный процесс; процесс активного воздействия человека на объекты труда. В-третьих, это процесс взаимного воздействия, взаимного изменения и преобразования. В-четвертых, это неэквивалентный взаимный обмен [2]. Поэтому можно определенно сказать, что сущность труда выражается через такие его сущностные свойства, как целенаправленность, активность, взаимное преобразование, неэквивалентность обмена. Эти сущностные свойства сохраняются независимо от структурных изменений общества в процессе его исторического развития. Чего нельзя сказать о содержательности труда.

Содержательность труда определяется многими параметрами. Основными компонентами, обуславливающими процесс труда, являются: субъект труда, объект труда, средства труда. Содержательность труда определяется характером объекта труда, средствами труда, выполняемыми функциями, способом организации. Непосредственное воздействие на содержание труда оказывает связь субъекта труда и средств труда. Эта связь выражается в характере распределения производственных функций. Степень осуществления этих функций и характер их распределения зависит от предметов труда, конкретно применяемых средств труда и квалификации человека, осуществляющего труд. Содержательность физического труда определяется преимущественно физическими функциями; умственного труда – интеллектуальными функциями. Любой труд ценится по конечному результату. Результатом является определенная материальная или духовная продукция, удовлетворяющая потребности и интересы человека, общества. Качество продукции заключается в удобстве, надежности, в эстетической, этической, экологической чистоте и др., вызывающем удовольствие при потреблении и эксплуатации. Способы получения результата могут быть разнообразными. Эффективность этих способов зависит от объективных и субъективных моментов и факторов. К объективным факторам относятся: наличие определенных средств труда, их качественное состояние, наличие определенных предметов труда. Субъективные факторы: наличие субъекта с определенной степенью готовности, способного к труду, обладающего набором определенных физических и интеллектуальных свойств, необходимых для данного вида труда. К числу таких свойств относятся знания, навыки, умения. Каждый вид труда требует работника с определенными знаниями, навыками, умениями. Степень сложности труда определяется тем, каковы объем и качество необходимых знаний, навыки, умения, функции он предполагает. На основе регулярного, постоянно действующего труда складывается деятельность человека по производству определенной материальной или духовной продукции. В процессе деятельности участвуют многие поколения людей, которые приобретают новые знания, создают и используют новые, более эффективные средства и способы производства, способы организации труда; происходит накопление практических и теоретических знаний процесса труда и организации способов трудовой деятельности, видоизменяется характер труда. Чтобы удовлетворять такому процессу труда и виду трудовой деятельности, приходится осуществлять определенную подготовку, обучение людей. Человек, получивший в процессе подготовки и обучения знания, навыки, умения, необходимые для данного вида деятельности, приобретает трудовую профессию. Профессия предполагает овладение определенным видом труда, на основе которого осуществляется материальная или духовная деятельность человека. Знания, навыки, умения необходимые для овладения данным видом профессии называют профессиональными. Профессиональный труд, в отличие от

непрофессионального, всегда предполагает не только необходимые знания, навыки, умения, но и творческий поиск. Профессиональный труд всегда творческий, требующий активности, эффективности, совершенствования. Человек, соответствующий этим требованиям, является специалистом-профессионалом. Деятельность, которая нуждается в специалистах с творческими, исследовательскими способностями и умеющих активно в практике реализовать эти способности, является профессиональной деятельностью. Содержание профессионального труда дополняется знаниями новейших теоретических и практических достижений по профилю профессионального труда, навыками в совершенствовании средств производства, творческим поиском, направленным на повышение эффективности профессионального труда и выпуск высококачественной продукции.

Литература

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 23.
2. *Режеп С.В.* Социально-философский анализ проблемы способа производства. М., 2001.

Пятигорский государственный технологический институт

15 декабря 2006 г.

© 2007 г. *М.В. Литвяков*

МАКРО- И МИКРОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ БЕЗНАДЗОРНОСТИ ПОДРОСТКОВ

Подростковый возраст часто называют «трудным» и признают одним из самых переломных периодов в развитии и становлении личности. Именно в этот период, в основном, завершается первичная социализация индивидуума, через последовательное движение от детского состояния безответственности – к отношениям взрослой, нравственно самостоятельной жизни. Вполне естественно, что такой переход всегда и в любом обществе не происходит легко и беспроблемно, а при тех социальных условиях, которые складываются в современном российском обществе, течение процесса социализации еще более затруднено. Это обуславливает и актуализирует проблему подростковой безнадзорности.

В законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», принятом в России в 1999 г., дается определение понятию «безнадзорный» – это несовершеннолетний, «контроль за поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или законных представителей либо должностных лиц» (ст. 1). «Безнадзорные» в реальной жизни являются «скользкой», трудновычлняемой категорией подростков, степень безнадзорности которых сложно соотносить однозначно с каким-либо критерием, исключая явную беспризорность. Мы полагаем, что термин «безнадзорность» часто используется для того, чтобы легче было манипулировать общественным мнением, когда надо – объединять этот термин с «беспризорностью», увеличивая масштабность данного явления, в других же случаях – разъединять эти понятия, с целью занизить нависшую над обществом угрозу. Проблему безнадзорности (беспризорности) несовершеннолетних в России, изучили достаточно широко многие специалисты, начиная с 90-х гг. XX в. А.Ю. Рожков [1] исследовал исторический аспект этого явления, делая акцент на 20-х гг. советского периода. А. Лиханов [2], Г.Н. Карелова [3], М.Н. Мирсагатова [4], Е.Г. Слуцкий [5], С.В. Дармодехин [6], Т. Савватеева [7], Н. Павлов [8] – исследовали различные теоретические аспекты современного состояния этой проблемы, делая акцент на количественных показателях по безнадзорности и внешних социально-политических причинах. Т.И. Шульга, В. Слот, Х. Спаниард [9] разработали и издали, учитывая совместный русско-голландский опыт, «методику работы с детьми группы риска», где акцент сделан именно на противодействии беспризорности. С.А. Стивенсон [10], А.Л. Арефьев [11], Е.Б. Бреева [12] проводили опросы безнадзорных в крупных городах России, систематизируя установленные из ответов причины безнадзорности и сопутствующих ей факторов.

Нашей целью стала разработка теории, комплексный анализ условий, явлений и факторов, способствующих социализации безнадзорных подростков, что до сих пор еще не было предпринято никем из специалистов. В задачи исследования вошло: определение современных тенденций развития безнадзорности в контексте происходящих социальных изменений; обоснование методологических принципов исследования безнадзорности исходя из анализа выявленных теоретических направлений; исследование закономерностей и механизмов развития «сообщества» беспризорных; раскрытие теоретических основ изучения подростковой безнадзорности, охарактеризовав ее функциональную структуру.

Научное осмысление проблемы безнадзорности позволяет нам выделить несколько универсальных причин этого явления. Представляется, что одна из них – это нездоровый моральный климат в семье, когда подросток ощущает безразличное, а то и враждебное к себе отношение со стороны ближайших родственников. В результате постоянной конфронтации подросток, психика которого постепенно деформируется, начинает все более отчуждаться от семьи и ищет себе подобных, в обществе которых нежелательные индивидуальные качества (с точки зрения обыденной морали) не осуждаются, а принимаются как должные и даже предпочтительные, в результате чего они получают возможность

оттачиваться и совершенствоваться в дальнейшем. Взаимоотношения в компании таких подростков можно рассматривать как отрицательный суррогат семейного общения. Вторая причина заключается в практике гиперопеки своих детей некоторыми семьями, из-за чего эти дети, в целях сохранения своей нарождающейся индивидуальности, начинают вести себя вызывающе, они также находят поддержку за пределами семейного круга. Третья причина состоит в нежелании подростков из внешне благополучных семей придерживаться задаваемых семейным воспитанием рамок социального поведения из-за несоответствия их тем потребностям, которые подросток воспринимает как свои личные, и решение которых (часто с помощью безответственных поступков), по его мнению, является сейчас наиглавнейшим.

Так как в обществе безнадзорность становится заметной лишь тогда, когда проявляет себя в различных формах неадекватного поведения, мы полагаем, что необходимо разграничить проявления неадекватности (несоответствия социальным стандартам) по причинам макро- (институт семьи – социум) и микро- (личность – социум) социального порядка. Дух времени и общества проявляется в равной мере на всех уровнях социальных взаимоотношений, но среди названных причин конфликтного и противоправного поведения подростков равнозначности нет. Ответственность за действие первой и четвертой из указанных причин целиком может быть возложена на семьи, из которых выходят подвергшиеся их воздействию подростки. Такая неадекватность имеет макро-социальное происхождение, и дает основание в подобных ситуациях целиком концентрироваться на семейном контексте этих подростков. Остальные названные причины имеют не такую однозначную природу и расположены на микросоциальном уровне. В тех случаях, когда вовлечение подростка в конфликтные и противоправные обстоятельства вызвано действием второй причины, ответственность за происходящее должна возлагаться и на семью подростка, и на него самого. Причем семья ответственна в большей мере, при прочих равных условиях, так как воспитание детей является ее важнейшей социальной функцией. Когда же на негативное поведение подростка оказывает влияние третья причина, то основной груз ответственности за происходящее уже приходится нести ему самому, так как негативное воздействие его семьи здесь может быть вызвано только моральными обстоятельствами, которые в большинстве своем генерированы самим социумом.

Наша позиция заключается в том, что безнадзорность является распространенной причиной отклоняющегося поведения подростков. Они, будучи несовершеннолетними, по закону не в полной мере ответственны за свои поступки и обязаны иметь над собой в качестве воспитателя взрослого человека. Именно та безнадзорность, которая приводит к девиантному поведению, является не только самой социально заметной, но и социально опасной. Макросоциальные причины безнадзорности, т.е. причины, которые обусловлены всем социумом, наиболее четко поддаются вычлениению и конкретизации. Они объективны по отношению к личности подростка. Их рассмотрение следует начать с самых широких сфер жизни социума. В большей мере, современные микро-социальные причины безнадзорности ведут свое происхождение от ситуации определенного социального хаоса, возникшего в результате распада прежней советской политической и социально-экономической системы.

С 90-х гг. XX в. в нашем обществе произошло резкое снижение уровня социальных гарантий для детей со стороны государства во всех жизненно важных сферах. Еще одним Фактором безнадзорности является рост числа семей беженцев и вынужденных переселенцев, условия существования которых часто бывают крайне неудовлетворительными. У многих из них отсутствует постоянное жилье, нет и необходимых источников для поддержания своего существования достойным образом. Микросоциальные причины безнадзорности во многом также обусловлены всем социумом, но имеют характер более частных проблемных ситуаций, которые формируются в окололичностном социальном пространстве. Проявление этих причин находит свое главное воплощение в рамках такого первейшего института социализации, каким является семья. Относительно социализирующей и воспитательной функции семьи, можно заметить, что ее эффективность зависит от различных объективных и субъективных социальных факторов: экономических, психологических, демографических, политических и т.д. К ним относятся: тип семьи (полная или не полная, нуклеарная или расширенная, много- или малодетная); материальные условия; личностно-статусные характеристики родителей; психологический климат и деятельность внутри семьи; помощь со стороны государства и общества.

Семья – это образ жизни, который выработало человечество на протяжении своего существования. В этих рамках человек формировался физически, психологически и интеллектуально, удовлетворял все свои потребности, осуществлял присущие ему на том или другом этапе функции. И вот теперь именно семья для многих, особенно молодых, людей является очагом нестабильности, местом, откуда исходит насилие, проживая в котором невозможно удовлетворять свои первейшие жизненные потребности, не говоря уже о возможности приобретения полезных навыков и прохождения полноценной социализации. Российские специалисты повсеместно отмечают ослабление семейных и родственных связей, а во многих случаях констатируется полная их утрата.

Необходимость поиска дополнительного заработка, возвращение в быт семьи многих видов работ, которые ранее выполнялись сферой услуг, сократили возможность общения родителей с детьми, их совместные занятия, увеличивая тем самым опасность предоставления детей улице. Усиливается алкоголизация и наркоманизация многих семей, начиная с родителей, что способствует отчуждению от детей, предоставлению их самим себе. Увеличение общего числа социально неблагополучных семей обостряет проблему жестокого обращения с детьми. Исследователи отмечают полимотивированность причин такого

явления: это и стрессовое состояние родителей, измученных современными социально-экономическими условиями, и стремление добиться изменения поведения ребенка любыми средствами, и родительская «мсть» за то, что ребенок требует якобы чрезмерной заботы или приносит огорчения. В тех семьях, которые совершенно деморализованы, где пьянство, наркомания, правонарушения являются постоянным фоном жизни детей, жестокость воплощается в таких формах как побои, лишение пищи, воды, свободы.

Психологическое и физическое отдаление подростков от родителей в неблагополучных семьях сопровождается и осложнениями их интеграции в общество. Дети перестают нормально учиться, многие из них остаются в течение длительного времени практически неграмотными. В современной жизни по сравнению с советским временем подростки, когда вынужденно, а когда в соответствии с прагматичным духом нашего общества стали работать даже больше. Но при этом они лишены общественного контроля, способного отслеживать процесс их трудовой социализации. На практике макро и микро причины безнадзорности настолько тесно увязаны между собой, что без подробного знания контекста конкретного случая безнадзорности затруднительно утверждать о воздействии определенной их группы. Однако при теоретическом анализе представляется необходимым все же провести разграничение по группам, так как это дает возможность определить общий источник возникновения ряда причин и факторов роста безнадзорности.

Литература

1. Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. №1.
2. Лиханов А. Сироты при живой Родине // Трибуна. 2002. 19 марта.
3. Карелова Г.Н. Дети улицы. Как мы можем им помочь? // Социс. 1998. №12.
4. Мирсагатова М.Н. Детская беспризорность как социальное явление в России // Российский журнал социальной работы. 1996. №1.
5. Слуцкий Е.Г. Беспризорность в России – грозная реальность нашего времени // Социс. 1998. № 3.
6. Дармодехин С.В. Безнадзорность детей в России // Педагогика. 2001. №5.
7. Савватеева Т. Бездомных детей быть не должно // Социальное обеспечение. 1998. №1.
8. Павлов Н. Беспризорные дети под опекой армии // Социальное обеспечение. 2000. №7.
9. Шульга Т.И., Слот В., Спаниярд Х. Методика работы с детьми группы риска. М., 1999.
10. Стивенсон С.А. Уличные дети и теневые городские сообщества // Социологический журнал. 2000. № 3-4.
11. Арефьев А.Л. Беспризорные дети России // Социс. 2003. №9.
12. Бреева Е.Б. Социальное сиротство в социально ориентированном государстве // Социс. 2004. № 4.

© 2007 г. О.В. Христенко

К ПРОБЛЕМЕ ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОТЕНЦИАЛА СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

На протяжении последних лет в развитии России сохраняются негативные демографические тенденции. Главная среди них – абсолютное сокращение численности жителей страны. Этот процесс сопровождается радикальными изменениями в возрастной структуре населения – оно быстро стареет. Старение населения понимается как увеличение в общей численности населения относительной доли и абсолютной численности людей пожилого возраста. В качестве нижней границы пожилого возраста принимается либо официальный возраст выхода на пенсию, либо 60 или даже 65 лет. За последние 60 лет доля в населении детей уменьшилась почти вдвое, а доля пожилых и старых людей (в возрасте после 60 лет), напротив, возросла почти втрое. В 1999 г., впервые за последние 80 лет, доли полярных возрастных групп (детей и пенсионеров) практически сравнялись: 20% - дети до 16 лет; 20,6% - лица пенсионного возраста [6]. Одновременно с ростом доли и численности пожилых людей быстро увеличивается средний возраст всего населения. В России в 1959 г. средний возраст мужчин составлял 28 лет, женщин – около 33 лет. В 2002 г. средний возраст мужчин достиг 35 лет, средний возраст женщин составил чуть больше 40 лет. Это еще одно подтверждение того факта, что население России стареет быстрыми темпами [1].

В настоящее время в экономически развитых странах важным фактором старения является снижение смертности населения в старших возрастных группах. Оно связано с небывалым прогрессом медицины и здравоохранения, внедрением профилактических мер, применением дорогостоящих медицинских препаратов, активной борьбой с раковыми заболеваниями. Немаловажную роль в этом процессе сыграло также повышение жизненного уровня населения. В этих условиях смертность снижается не только в старших, но и в молодых возрастных группах. Однако на общем фоне снижения рождаемости сокращение смертности приводит к увеличению не только удельного веса, но и абсолютного числа пожилых и старых людей. Такой процесс старения населения называют *старением сверху*. Уровень смертности населения в

России выше, чем в странах Западной Европы. Поэтому в нашей стране смертность является сдерживающим фактором старения населения. Высокая смертность населения во всех возрастных группах не приводит к увеличению абсолютной численности пожилых людей. Однако снижение рождаемости продолжает оказывать свое влияние на изменение соотношения молодых и пожилых возрастных групп населения, приводя в итоге к росту доли пожилых. Процесс старения населения России происходит не «сверху», а «снизу», т.е. не в результате снижения смертности в старших возрастах, а в результате резкого сокращения рождаемости [3]. Старение населения приводит к последствиям социального, экономического и гуманитарного характера. В частности, с развитием процесса старения населения возникают ситуации, в которых переплетаются и даже сталкиваются интересы молодых и старых людей [4].

Наибольшее внимание обычно уделяется подрастающему поколению, т.к. предполагается будущее его участие в производстве материальных благ, и молодежи, вступившей в трудоспособный возраст, чей труд весьма важен для экономического развития. Что же касается отношения общества к людям пожилого возраста, то оно варьирует в зависимости от достигнутого уровня экономического развития и от исторически сложившихся взаимоотношений между старшими и младшими поколениями [1]. В экономически развитых странах с относительно молодой возрастной структурой населения, где уровень демографического старения еще не достиг высоких показателей, социальный престиж имеет поколение трудоспособных и активных людей. С развитием процесса старения населения при общем высоком уровне благосостояния поколение пожилых людей начинает играть все более значительную роль в социальной и политической жизни общества. Соответственно, изменяется и отношение к ним представителей других поколений.

В экономически развитых странах с системой гарантированного социального, пенсионного обеспечения, «старых» в демографическом отношении, отмечается быстрый рост влияния пожилых во всех сферах, от внутрисемейных взаимоотношений до политики. В развивающихся странах, в населении которых преобладают молодые поколения и соответственно низок уровень демографического старения, внимание уделяют не столько социальной роли той или иной генерации, сколько пониманию смысла жизни человека, независимо от того, к какой возрастной группе он относится. В современной России с ее сложным и противоречивым историческим прошлым сосуществуют принципиально разные модели взаимоотношений между поколениями. С одной стороны, общество уделяет большое внимание подрастающему поколению. Население в трудоспособном возрасте также занимает высокое положение в социальной иерархии. Что же касается людей пожилого и старческого возраста, то в целом они вниманием общества обделены. Современное общество с сомнением относится к тому историческому вкладу, который внесли старшие поколения в его развитие. Пенсионеры становятся социальной и экономической обузой для общества. Старение и старость рассматриваются молодыми людьми как полная жизненная катастрофа [2].

Различия между поколениями существовали и будут существовать в силу того, что для каждого поколения характерны: свой взгляд на жизнь, свои привычки, свое восприятие действительности. Человечество развивается, каждое новое поколение отличается от поколения своих родителей. Эти различия могут перерасти в конфликт. Вопрос в том, приобретают ли эти конфликты социальное звучание и в том, насколько они остры. В сфере занятости работодатели оказывают явное предпочтение более молодым работникам. Не только в странах Западной Европы, но теперь и в России стало нормой либо полностью избавляться от сотрудников, возраст которых превышает 50 лет, либо переводить их на более легкую, а, следовательно, менее оплачиваемую работу. Это можно объяснить тем, что люди старшего возраста медленнее, чем молодые, осваивают новую технику и с трудом воспринимают новые идеи. Но они обладают такими важными преимуществами, как опыт и здравый смысл. Конкуренция на рынке труда между представителями молодых и старших поколений обостряется, люди старшего возраста должны освобождать рабочие места для молодежи. Одно из важных экономических последствий процесса старения населения – это изменение количественного соотношения между трудоспособной, производящей частью населения и населением старше трудоспособного возраста, т.е. потребляющей частью. Чем быстрее это соотношение приближается к 1:1, тем выше беспокойство общества по поводу возрастающей нагрузки по содержанию пенсионеров. Вопрос, который волнует все страны, затронутые старением населения: сколько должно быть работающих, экономически активных людей, чтобы содержать быстро растущее число лиц пенсионного возраста? Использование потенциала пожилых людей является определенной базой для дальнейшего развития, поскольку у общества в результате появляются дополнительные ресурсы, а у пожилых людей – возможность самореализации. Важно, чтобы при разработке управленческих решений за их основу была взята гипотеза, учитывающая мотивацию пожилых людей, связанную с желанием работать и созданием условий для возможного применения их потенциала. Распространено представление о пожилых людях – как «лишних» в рыночных условиях. Однако значительная доля граждан старшего возраста вовлечена в активную трудовую деятельность. Особенно повышается экономическая активность лиц в возрасте 55-59 лет [2]. Также необходимо заметить, что, реально оценивая свой трудовой ресурс, подавляющее большинство пенсионеров согласно трудиться на любой работе и все же основной причиной, заставляющей пенсионеров продолжать трудовую деятельность, остается недостаточная материальная обеспеченность.

Работающие российские пенсионеры очень выгодны для страны. Мало того, что они не просят у государства, а зарабатывают сами, но еще и отработывают пенсию, делая взносы в Пенсионный фонд. Казалось бы, государство должно способствовать реализации экономической активности пожилых

работников, адаптации их к рыночной экономике. Однако пока пожилые работники в гораздо меньшей степени, чем молодежь, охвачены, к примеру, системой профессионального непрерывного обучения. Менеджеры, как правило, считают пожилых работников неспособными адаптироваться к изменениям или считают нерентабельным профессиональное переобучение лиц определенного возраста. Но, как показывает опыт, изменения в рабочем процессе и обучение не являются сами по себе источниками трудностей для пожилых трудящихся. При соблюдении определенных условий они достигают удовлетворительных результатов, даже если на это требуется чуть больше времени, чем молодежи [5]. Старение рабочей силы создает в XXI в. немало проблем, в том числе в России. Одни из самых серьезных, требующих неотложных решений: преодоление сложившихся стереотипных представлений о трудоспособном возрасте, расширение возможностей для реализации потенциала пожилых людей, разработка и осуществление соответствующих программ их образования и профессиональной подготовки.

Литература:

1. *Бахметова Г.Ш., Иванкова Л.В.* Старение населения в России: возможна ли война между поколениями? // Психология зрелости и старения. 2005. №4.
2. *Владимиров Д.Г.* Старшее поколение как фактор экономического развития // Социологические исследования. 2004. №3.
3. *Глотов М.Б.* Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. №7.
4. *Парахонская Г.А.* Пожилой человек в семье // Социологические исследования. 2002. №6.
5. *Парахонская Г.А.* Структура геронтологической социальной политики // Вестник Московского университета. 2005. №3.
6. *Переведенцев В.* Наше демографическое будущее // Человек и труд. 2001. №5.